

Г Р У П А К Р О В І

РАГУ ИЗ АКУЛЬЕГО СТЕЙКА

ИРИНА
ЛОБУСОВА

Харьков
«ФОЛИО»
2022

Место и время действия — Одесса, 2005 год.

КОМУ: slavik@gmail. com

ОТ: Ri@gmail.com

ДАТА: 13 августа 2002, 20.58

ТЕМА: Догадайся, от кого.

«Славик, очень долго от меня не будет писем. Я решила изменить свою жизнь полностью. Теперь мир будет моим. Не бойся, я не сошла с ума. Просто ни Ри, ни эстрадной звезды Марианны больше не будет. На свет появится совершенно другой человек, с которым те, прежние, не будут иметь ничего общего. Чтобы ты не переживал, расскажу в двух словах.

С ВалЕвгом мы развелись. Он бежал, потому что здесь, в Украине, находится в розыске. Где он сейчас, я не знаю, да и не хочу знать. Все то имущество, которое получила я после развода (у меня был очень хороший адвокат, Славик, и никто меня не обделил), я решила продать. В том числе и квартиру, доставшуюся мне от Дмитрия Фалеева. Не хочу воспоминаний. Хочу другой мир. Поэтому на деньги, кото-

рые теперь у меня есть, я купила новую квартиру, намного лучше всего того, что было у меня с ВалЕвгом. И теперь исполню свою мечту. Я хочу подарить себе мир. Тот мир, который я никогда не видела прежде.

Для этого я сделала две вещи. Первое — купила себе документы на новое имя и вышла замуж. В этот раз, надеюсь, окончательно. И второе — открыла туристическое агентство. Назвала его «Магнолия». Конечно, я ничего не понимаю в туристическом бизнесе. Но я наняла людей, которые понимают. Повторяю: я всегда мечтала посмотреть мир.

Пройдет время, и я обязательно тебе напишу. Уже под другим именем.

Я люблю тебя. И всегда буду любить. Кроме тебя, у меня больше никого нет. Верь в меня.

Твоя сестра. Сестра, которая больше не имеет имени».

ТРИ ГОДА СПУСТЯ

...Я знала, что ухожу в никуда. Дверь открылась. Узкая полоска коридора была темной. Мне показалось, что это не дверь — темная бездна...

— Прости, что я причинил тебе боль.

Боль? Я обернулась. Электрический свет тусклой гостиничной лампы падал со спины, и его лица я не могла рассмотреть. Собственно, лица уже не было. Было лишь какое-то нелепо сказанное не к месту слово.

Боль? Мне хотелось запрокинуть голову и смеяться, кричать, рвать кожу и вены, и толстый слой безнадежности вместо кожи, волос, глаз...

Разве хоть на тысячную долю можно знать, что означает это слово? Знать и произносить его просто так? Разве можно обозначить как-то смерть при жизни, и отчаяние, и не наступивший рассвет? Воспаленные веки, глухую стену в распахнутых окнах, все то, для чего никогда не найти ни одного из унылого однообразия множества существующих слов?

Мне хотелось закричать, раскинув пошире руки, закричать или засмеяться во весь голос. Но я не сделала ни того, ни другого. Да, боль — это когда не хочется говорить. И тем не менее я нашла в себе силы. Вернее, мне не пришлось их находить, они были всегда.

— Забудь меня. Это единственное, что ты можешь сделать. Давай похороним вместе всех наших покойников? И будем жить дальше.

Что-то дрогнуло в воздухе, и тонкий лучик осветил чужие глаза, в которых застыло растерянное непонимание. Он никогда не понимал, что именно я хотела ему сказать.

— Может, ты все-таки меня простишь? Мы столько любили друг друга! Я не со зла... Так получилось... Ты же все понимаешь...

Я увидела, как в его глазах вместо растерянности появилась щенячья тоска. И подумала, что это так по-мужски — убить, растоптать, уничтожить, а потом сказать: «Извини, так получилось... ты же все можешь понять». Я открыла рот, чтобы сказать об этом, но сдержала себя. Зачем говорить? Это всего лишь день. Самый обыкновенный день в обыкновенной гостинице, когда так обыкновенно приходит начало конца. Или конец конца? Ничего не было. Просто я и тот, к кому я больше не смогла бы прикоснуться рукой. Тот, кто сейчас униженно и с надеждой смотрел на меня. Я молчала.

— Значит, не простишь... Когда твой самолет?

Я усмехнулась.

— Останься. Все прошло. Больше так не будет. Может, ты останешься?

— Разве ты не знаешь об этом лучше меня? — наконец произнесла я.

— Я думал... Было много, я знаю... Вместе мы... Я так не хочу тебя терять! Я все сделаю для тебя!

— Ты никогда не сделаешь самого главного. Так же, как и всех женщин, меня привлекает любовь, а не война.

— Когда ты прекратишь говорить загадками?

— Я мечтала только об одном. О самом главном. Мечтала, но вокруг была не любовь, а война. И этой вечной войны было столько, что я разучилась думать о чем-то другом.

А когда война закончилась, меня тоже не стало. Я умерла и, открыв окно в чужой комнате, впервые в жизни четко поняла, что предпочитаю заниматься любовью, а не войной.

— Со мной ты можешь быть такой, какой хочешь! Жесткой, сильной. Убивай, если тебе хочется убивать! Я приму от тебя все — разве ты не знаешь этого? Я единственный в мире, способный принять тебя такой, какая ты есть!

Каждое из этих слов я знала наизусть. Я их слышала — слишком долго. Я читала каждую его мысль и знала о нем все. Хитрые огоньки в рыжих глазах... Было время, и за эти огоньки я с радостью могла отдать половину жизни. Да что половину — всю жизнь: с наслаждением, с радостью, с глупостью — до конца. Он прекрасно это понимал, и это составляло большую часть его силы.

Но сейчас я знала: через пять минут я выйду из гостиницы и поеду в аэропорт. И сяду в самолет. А когда он оторвется от полосы, рваные лоскутки далекой, но такой родной земли с мягкой нежностью обнимут мое лицо. И вот тогда я смогу плакать — войны больше не будет.

Но сиюминутная трагедия всей его жизни заключалась в том, что он тоже об этом знал.

Я видела, что делаю ему больно. Но меня совсем не трогала эта боль.

— Я привык к тебе, но не к такой, как сейчас. Я никогда не видел тебя равнодушно-жесточкой, холодной... — Он

помолчал, но потом вдруг воскликнул: — А кто ты такая, чтоб читать мне обвинительный приговор?! Себе-то ты его прочитаешь?!

— Уже прочитала. Мы с тобой — два ничтожества. Но какое это имеет значение? Мир большой.

— И в этот мир ты сейчас уйдешь.

— Уйду.

— И не вернешься даже для того, чтобы завершить то, что так удачно ты начала? Своеобразное благородство?

— Ты прекрасно знаешь — я не вернусь. Нет таких целей. Все видимые — слишком для меня просто. Как убийство, которого нет.

— Я люблю тебя, Марина.

— Марина умерла.

Мне никогда не приходилось слышать, чтобы любовное признание звучало так глупо. Глупо и поздно для того, чтобы слушать и верить. И для того, чтобы себя изменить.

И все же я задохнулась от неистового, обжигающего желания поцеловать маленькую морщинку между его рыжих, таких подлых глаз...

Этого не произошло. В грязные окна гостиницы не могло светить яркое чужое солнце. Где-то хлопнула дверь. С мясом, с кровью я вырвала из себя всё и калекой пошла по пустому коридора. Пошла не оглядываясь, не возвращаясь назад...

— Не так-то просто забыть твое прошлое! Все-таки бывшая эстрадная звезда!

В последнее время эта его манера разговаривать проявлялась особенно четко — словно случайно бросить слова, которые могут причинить мне боль.

— Совершенно верно! Звезда эстрады. А не дешевая тупая тварь, по которым ты всю свою жизнь таскался до меня!

От болезненной ревности не существует лекарств, особенно, если она смешана с глупостью. Мой супруг подозрительно уставился на меня.

— Интересно, почему в машине профессиональная фотокамера?

— Что? — Заявления моей второй (и далеко не лучшей) половины способны поставить в тупик кого угодно. Я сдвинула тяжелую портьеру с окна. Было около десяти вечера. Улица перед нашим домом была безлюдной. На мостовой плясало яркое пятно света от уличного фонаря. Машина действительно стояла прямо напротив наших окон, находящихся на невысоком втором этаже. Темные стекла. Марка — похожа на «нисан-кашкой». Цвет нельзя разглядеть. Мне не показалось ничего подозрительного. Ну подумаешь — какая-то машина! Чушь, бессмысленная ерунда... Вечно мой псих со своими подозрениями.

— С чего ты взял про камеру?

— Вспышка несколько раз была направлена на наши окна.

В тот вечер у меня было плохое настроение. Мне не хотелось вступать в долгие, ничем не заканчивающиеся, затяжные конфликты. Поэтому, буркнув себе под нос: — Тебе необходимо лечиться! — я, хлопнув дверью, вышла в другую комнату.

Машина по-прежнему продолжала стоять. Я не вспоминала об этом достаточно долго. Вспомнила только потом, много времени спустя, когда все уже произошло. Да и то — как про одну из многочисленных размолвок со своим мужем. Постоянных в последнее время. Без которых невозможно было прожить ни дня.

Мой брак нельзя было назвать удачным. И я понимала это с самого начала. Мы были слишком неподходящими личностями: мой академический муж и такая любительница приключений, как я. Мы не сходились ни в чем, между нами не существовало ничего общего, и наш странный мезальянс был сплошной ошибкой, о чем я узнала позже.

Мудрый народ придумал по этому поводу пословицу: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Собственно, мне следовало бы понять все намного раньше. Намного раньше, когда еще в самом начале нашего знакомства я слышала постоянные истерики будущего мужа после каждой вечеринки с моим участием, каждой выпитой рюмки